

Хотите, чтобы о себе рас-
сказал? Ну что может быть
интересного в старом больном
человеке? Ладно. Включайте
свою «адскую машинку». Нико-
гда в жизни не давал интервью.
Как говорили древние иудеи, вос-
поминания ведут к избавлению...

Родился в мае двадцатого
года в маленьком белорусском
городке Рогачеве. Знаете, что
представляла собой Белорус-
сия в мае двадцатого? О! Это был
ужас: шла Гражданская война.
Банды Булак-Булаховича, одного
из руководителей контррево-
люции на северо-западе России,
белого генерала, разгуливали
вовсю, и особенно доставалось
евреям — их вырезали нещадно.

Родился в Рогачеве, а воспи-
тывался и рос в Орше: здесь
жила мамина мама — бабушка.
Бабушка и дед с материнской
стороны были революционерами

со стажем: бабушка — постольку
поскольку, а вот дед был эсером.

Когда дед связался с эсерами,
совсем перестал работать, а ведь
был хорошим сапожником. Все
содержание семьи легло на
бабку. Семья — семь человек.
За небольшой срок супруже-
ства родили пятерых девчо-
нок. В восьмом году, когда по
заданию партии дед ездил в Ека-
теринослав, сильно простудился.
Заболел и умер от скоротечной
чахотки в возрасте Христа. Ба-
бушка осталась двадцативось-
милетней с пятью детьми, но...
при иголке. Была первоклассной
портнихой, обшивала весь ор-
шанский бомонд.

После смерти отца-революцио-
нера мою маму, старшую из пя-
терых сестер, еврейская община
послала учиться. Мама даже пять
классов гимназии окончила и была
очень грамотной. Без всякого про-

должения образования работала
корректором в газетах. Работу
свою любила. Замуж вышла в де-
вятнадцатом. Было ей всего сем-
надцать. Через год родился я.

Отец мой, хоть и был сыном
обывателей, в сентябре семнадца-
того вступил в белорусскую со-
циал-демократическую рабочую
партию: время было такое. Был
молод, неглуп, очень способный:
шестизначное число на шести-
значное множил в уме, а окончил
всего четыре класса приходской
школы. Был даже депутатом
первого съезда Советов рабочих,
крестьянских, батрацких и красно-
армейских депутатов Белоруссии.
Но в партии продержался недолго,
потому как не терпел неправ-
ды, подхалимства и, как теперь
говорят, двойных стандартов.
Маму высмотрел, когда было ей
пятнадцать. Два года ждал, пока не
стукнуло семнадцать, и посватался.

Бабушка, мать мамы, хоть и была «революционеркой», но заявила: без венца дочь не отдам. Как член партии, отец не имел права венчаться и стал просить партийное начальство об исключении: знал, многие так поступали. Но не пошли ему на уступки, и он, плюнув, положил на стол партбилет. Уже потом, много лет спустя, в тридцатые годы, когда я стал подростком, говорил — конечно, так, чтобы никто не слышал, — что рад, что «расчихался с этой сворой». К партии, ее боссам не испытывал никакого пиетета.

В школу я пошел уже в Бобруйске: отцу предложили работу на мебельной фабрике. Мама стала корректором в типографии. Шел двадцать восьмой год. Маленькой сестренке исполнилось четыре. Она ходила в детский сад.

Учился сначала слабо: был левшой, как и предки-столяры со стороны отца. Первая учительница Юлия Яковлевна заставляла писать правой рукой, но я упорно переключал ручку в левую. Получалось плохо. Однако уже в четвертом классе стал отличником — здесь надо было соображать, а мыслил, видимо, нормально.

Запомнился случай, когда в шестом классе решил задачу, которую не смогла разобрать учительница — запуталась. Не задумываясь о последствиях, вышел к доске, стер ее решение и записал свое. Педсоветом был исключен из школы и переведен в другую.

Как и все, носил пионерский галстук, но никакого интереса к пионерской работе не испытывал. Мне нравилось решать задачи, играть в шахматы, читать книги. Главное — задачи. Никаких олимпиад в Бобруйске в то время не проводили, а то бы, наверное, выигрывал. Когда пришло время, записался в комсомол, но именно записался. Честно скажу: от вся-

ких казавшихся ненужными поручений отлынивал, а уж когда в девятом-десятом классе математику стал вести Семен Ильич — он меня сразу отметил, — грыз науку по-настоящему и далеко опередил своих одноклассников. Семен Ильич принес мне учебники и задачки по высшей математике.

Конечно, путь мой лежал в ленинградский университет. Так говорил Семен Ильич, но комсорг класса — русский парень, добрый, хороший, — однажды, отозвав в сторонку, сказал: «Яшка, в университет тебя не пустят, не суйся. Иди лучше в политех». Когда в ответ наивно спросил, почему, комсорг ответил: еврей... Было это в тридцать восьмом.

Летом после девятого класса ко мне пришла любовь. До того ни я на девчонок, ни они на меня никакого внимания не обращали. А тут пошли на Березину купаться. И я увидел ее в купальнике. Ее — Яну Поплавскую, девочку, что пришла в наш класс в девятом. Сердце замерло: у нее были необычайно стройные ноги и белорозовая мраморная кожа. Густые черные прямые волосы ложились на лоб челочкой и обрамляли лицо с прямым маленьким носом. Глаза — большие, небесно-голубые — будто заглядывали в душу. Теперь мысли мои были не о задачах. Теперь до бесконечности хотелось смотреть на Яну, быть рядом с нею.

Яна не противилась моим разговорам. Может, и неинтересно ей было то, о чем рассказывал, но виду не подавала — терпела. Выпускной бал весной тридцать восьмого пролетел, как мгновение. Я не танцевал, и Яна, конечно же, умевшая танцевать, предпочла разговоры со мной в пустом классе, хотя рядом в зале гремела музыка. Мы договорились, что в июле вместе поедем в Ленинград: она — в ме-

дицинский, я — в политех. Третьим с нами должен был ехать Семка Геллер — мой извечный друг и товарищ.

Как отличник, в политех был принят без экзаменов, а Яне и Семке пришлось попытаться. Но экзамены они сдали хорошо и тоже стали студентами. Хоть и было не всегда сытно, но счастью нашему не было границ: из захолустного Бобруйска попали в град Петров с его музеями, мостами, белыми ночами... Общежитием были обеспечены.

Я продолжал отлично учиться, мне даже сталинская стипендия грозила — была такая самая высшая стипендия, — но... на зимней сессии сорокового года преподаватель — антисемит — вкатил тройку по основам марксизма-ленинизма, который был тогда наиглавнейшей наукой. Все его постулаты я знал наизусть — память была хорошая, но по одному из положений вступил в полемику. В результате — тройка. С тройками стипендию не давали. Просить деньги у родителей не мог: они и так каждый месяц присылали посылки с домашними гостинцами. В результате пришлось перейти в ленинградский институт гражданского воздушного флота, где стипендию платили независимо от оценок.

Болезненно переживал переход, очень болезненно, однако благодаря ему остался жив. Все сокурсники по политехническому с началом войны попали в народное ополчение и погибли.

Теперь, прежде чем продолжить рассказ, хочу спросить: могли высказать то, о чем думаю всю жизнь? Если могу — слушайте.

Начиная с тридцать восьмого, когда хороший улыбчивый парень — комсорг — сказал, чтобы не совался в университет, и я действительно не сунулся, никак не мог и не могу понять, почему так не любят евреев? Даже ненавидят.

Почему антисемитизм? Не надо, не надо говорить, что проявляют себя так не все. Конечно, не все. Если бы все ненавидели евреев, жить было бы невозможно. Но почему все-таки ненавидят? Продуктивен ли антисемитизм для тех, кто ненавидит? Простите, если стану говорить общеизвестные истины.

Христос, сам еврей, явившись из своего народа, был этим народом отвергнут. Почему? Да потому, что не захотел стать земным царем. Он явился не как царь, а как простой человек. И умер на кресте, чтобы уничтожить зло на Земле. Евреи тогда этого не поняли, не подумали о свободе духа, и были жестоко наказаны. Но свою вину искупили сполна.

Апостол Павел, величайший учитель христианства, тоже был евреем. Свое благовестие обосновал Ветхим Заветом и проповедовал того же Бога, который открылся его праотцу Аврааму. Павел, пошедший вслед за Христом и принявший его веру, говорил, что нет ни иудея, ни эллина, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины. То есть для Бога все драгоценны. Это не всегда было понятно людям, а потому вызывало раздражение. И теперь, когда носят евреев, заявляя, что все жиды — сволочи, носят тем самым и Христа, и его мать Деву Марию, которая тоже была иудейкой.

Скажите, что хорошее получает от этого народ, люди, которые это делают? Какова продуктивность поношения евреев?

Но это древности. А вот в конце восемнадцатого века на западной территории России, что досталась ей в результате раздела Польши, оказалось семьсот тысяч евреев. Этим людям, а жили они почти все в маленьких местечках, надо было как-то существовать. Земли не давали, а потому они могли за-

ниматься только ремеслом и торговлей, вынуждены были, обязаны были приспособляться к тем, кто был их «хозяином» — своей-то государственности не имели. В поведении, образе жизни должны были идти на бесконечные компромиссы. Но люди были неглупы, а совсем даже наоборот, и потому некоторые — конечно, очень немногие — выбивались из обычной местечковой среды, даже выезжали за «черту оседлости». Была такая черта, за пределами которой евреям жить не позволялось. Русские цари по-разному относились к евреям. Если при Александре II среди евреев даже появились купцы первой гильдии и лица со средним и высшим образованием, то при Александре III начались такие частые вспышки антисемитизма, и зараза эта так быстро распространилась среди российского общества, что евреям стало совсем невмоготу. Именно в евреях начали искать причину непорядков, творившихся в стране, потому что на Руси так уж испокон веков ведется, что виноват во всем кто-то. Сами — непорочны. Скажите, какая от этого была польза русскому обществу? Русскому крестьянину, рабочему?

При Николае II совсем уж распоясались. Черносотенцы, которые считали себя истинно русскими, потребовали от царя, чтобы евреям было запрещено все: участвовать в банковских и торговых операциях, издавать газеты, журналы, книги, быть актерами, музыкантами. Вот когда начался первый геноцид. Не при Гитлере.

Николай II потакал черносотенцам. Даже такой умный человек, как Столыпин, не удержался и написал статью, в которой много несправедливого сказал в адрес евреев. Перед самой революцией в некоторых российских газетах прямо требовалось, чтобы евреи были поставлены в условия, при

которых бы постоянно вымирились. Ну и что от этого имели русские? Какую продуктивность?

Почему из века в век так было? Да потому, что люди, сами ущербные, обделенные Богом, завидую и злобствуя, искали тех, кто «хуже». И таких козлов отпущения находили в евреях. А те ничем не могли ответить: религия запрещала братья за оружие. Было обидно, очень обидно, ибо в свой труд еврей часто вносил гораздо больше страсти, чем кто-либо другой. Достаточно сказать, что евреи — первый народ, который гигантским усилием мысли и воображения перешел от языческого многобожия к идее единого Бога. Наверное, всем сказанным можно объяснить, почему социалистические идеи стали для них притягательными. В них, в этих идеях, в их реализации стали видеть возможность освобождения от тысячелетней несправедливости, начали массово вступать в ряды революционеров: большевиков, меньшевиков, эсеров — кто куда. Было ли это плохо со стороны евреев? Да, плохо. Но они-то шли, потому что были несвободны, обижены, унижены. А вот почему русский мужик подался в революцию? А?

В октябре семнадцатого, как известно, произошел переворот, власть взяли большевики и, как и Временное правительство, они не стали ущемлять права евреев. Причина была не только в том, что в жилах Ленина текла какая-то толика еврейской крови, а в том, что большевики в то время действительно всерьез придерживались принципов интернационализма, и евреи впервые очень поверили, что русские больше не будут именовать их жидами, попирая достоинство и свободу, а станут считать себе равными. Ну и что здесь плохого? Что непродуктивно?

В Совнаркоме, то есть в первом большевистском правительстве,

было пятнадцать человек: тринадцать русских, один грузин — Сталин, один еврей — Троцкий. Теперь, когда можно все анализировать и говорить, по телевизору часто слышу, что во многом, особенно в бесчинствах с церковью, виноват Троцкий — еврей Лейба Бронштейн, а также комиссары-евреи. Да, это так. Это правда. Но почему евреи пошли в революцию, я только что сказал. А вот почему пошли в революцию и громили церкви русские мужики, мне непонятно. Комиссар-еврей был один, а в подчинении у него были сотни русских, которые с яростью сбрасывали колокола. Это что? Во имя чего они это делали? Почему вместо того, чтобы поднять на штыки комиссара, шли уничтожать своих же братьев? И почему об этом не говорят, не дают четкого ответа? Застыла, застыла ум Троцкому идея мировой революции, отчего же с ним в одной компании оказались русский «дедушка Калинин», поляк Дзержинский, грузин Сталин, а также миллионы русских, тысячи китайцев, латышей — латышских стрелков — и прочие, прочие, прочие? Никто честно не хочет ответить на этот вопрос. Удобней — виноват еврей...

В двадцатом году было создано новое правительство, но опять-таки евреем был один — Троцкий. То есть все враки, брехня, когда говорят, что с приходом большевиков Россией стали править жида. Правила ею те, кому попала в руки власть. А попала она далеко не евреям. В годы Гражданской войны евреи хорошо нахлебались и от белых, и от красных: людям стало плохо жить и... как всегда, виноват еврей. Ну а почему же русские белые стреляли в русских красных? Евреи им на спусковые крючки нажимали?

Конечно, если взять статистику, советской власти пошло служить много евреев. Но почему? Да потому что провозглашавшиеся

идеи были хороши и увлекательны, а больших идеалистов, чем евреи, нет. И они поверили. Евреям очень свойственен идеализм, и вот со всей страстью этого идеализма, желания построить счастливое общество для всех, они и пошли служить советскому отечеству.

Однако товарищ Сталин не был ни идеалистом, ни утопистом. Он был реалистом — жестоким, зорким, хищным. Он увидел в искренности евреев очень большую угрозу себе и, будучи с младых ногтей антисемитом, не мог терпеть «жидовского засилья». В начале тридцатых приступил к уже планомерному уничтожению евреев во всех сферах деятельности государства, а к началу войны, к сорок первому, в правительстве был только один еврей — Каганович. Надо сказать, не самый лучший.

Ну а в годы Второй мировой с евреями произошло то, что на иврите называется «шоа», то есть всеожжение, сожжение дотла, или Катастрофа. В этой мировой войне погибло шесть миллионов евреев, в том числе два миллиона советских. Истребляли их не только немцы. «Истребителями» было и местное население.

Сталин ненавидел евреев, но во время войны не смог с ними окончательно разобраться, а в сорок втором даже вынужден был создать Еврейский антифашистский комитет, потому что тысячи евреев в США стремились, чем могли, помочь еще не уничтоженным советским евреям. Ненависть в душе Иосифа Виссарионовича кипела, и достаточно было одной спички, чтобы костер вновь вспыхнул, а спичкой стал приезд в Москву посла из Израиля, которого с восторгом встречали евреи. Разогнали тогда все еврейские общественные организации, объединения. Выгнали евреев из всех партийных и государственных органов, резко ограничили

прием в вузы. Вместо «еврей» стали говорить «сионист», конечно же, с негативным смыслом. Прошли аресты еврейских поэтов и писателей, общественных деятелей. В газетах — кошмарный ор: евреи — враги всех советских народов, особенно русского. Ну и что? После этого русским стало лучше жить?

Да, забыл присовокупить «дело врачей», когда самые видные медицинские специалисты чуть ли не в одну ночь были репрессированы, а многие, не пережив страданий, погибли в застенках. Стало от этого лучше русскому крестьянину, рабочему, интеллигенту?

Теперь достоверно известно: всех евреев Союза ждали железнодорожные «скотские» вагоны, в которых они должны были отправиться в Сибирь — на высылку. Но этого не произошло. Почему? Да потому, что наши «великие», видно, поняли: без евреев ни в чем не обойтись...

После смерти Сталина положение несколько изменилось, но все равно кадровики всех рангов и мастей были настроены на «еврейскую волну». Чтобы еврея попасть на хорошую работу, надо было иметь ого-го сколько «за» по сравнению с остальными. Еврей должен был обладать в своем рейтинге явными преимуществами.

Хрущев тоже был антисемитом, но не таким злобным. Он был неглупым дядькой, у которого антисемитизм был просто в крови, и с этим приходилось считаться. Евреи терпели, ибо путь в Америку и Израиль был еще закрыт. Чтобы увеличить спрос на себя, они из кожи вон лезли, но учились и работали так, чтобы доказать свою необходимость. Даже ярые антисемиты, но неглупые люди отмечают это в своих мемуарах.

Чувство национального превосходства — поганое чувство, от кого бы ни исходило. И к пропаганде этого чувства всегда прибе-

гает реакционная часть общества: во всех просчетах ей нужен враг. Этот врагом лучше всего сделать еврея. Но антисемиты просчитываются, заявляя, что их «обижают» евреи. Тем самым они представляют свой многочисленный народ как неполноценный, ущербный, подверженный манипуляциям со стороны меньшинства.

Я долго жил на Украине, и когда в Киеве на Бибиковой горе установили Стену Плача, Щербицкий, первый секретарь ЦК компартии Украины, велел залить ее бетоном, потому как облик героев был неславянский — горбатые носы...

В семьдесят шестом в Бабьем Яру установили памятник погибшим: ни одного еврейского лица, ни даже признака еврейской одежды. Написали: здесь погибло сто тысяч советских граждан. И ни полслова, что закопаны кости двухсот пятидесяти тысяч евреев.

Антисемитизм — зло, большое зло, а если о зле молчать, оно будет распространяться. И оно распространяется: корни современного терроризма лежат и в антисемитизме.

Спросите, что делать? Отвечу. Всеми возможными средствами объяснять и объяснять людям, что Создателю нужен каждый народ. Вот почему у антисемитов ничего не получается. Вот почему в конце концов они всегда биты. Если бы Бог посчитал, что евреи ему не нужны, они бы давно исчезли с лица мира. Но Бог так не считает. Евреи ему нужны в качестве зеркала, чтобы каждый мог увидеть свое лицо таким, какое оно есть на самом деле.

Евреи никогда не могли и не смогут привыкнуть к антисемитизму: это все равно, что постоянно носить на груди желтую звезду. Она как мишень, по которой учатся стрелять. Надо объяснять, что антисемит — всегда позор нации. Антисемитизм всегда оборачивается злом против антисемита.

В марте сорок первого, еще до начала войны, институт, куда перешел, был преобразован в военную академию. Я стал слушателем академии, и мое материальное положение значительно улучшилось: выдали форму, кормили как на убой, было общежитие, платили стипендию. Но не сразу вписался в новую обстановку: «зацепился» с преподавателем курса «Детали машин». Он не хотел зачесть курсовой проект, который сделал еще в политехническом. Однако после того, как из девяноста шести слушателей я один сдал все экзамены на отлично, инцидент был исчерпан.

И вот июнь сорок первого. Двадцать второе число. Все прилипли к тарелке репродуктора. После речи Молотова написали рапорты с просьбой отправить на фронт. Нам объяснили, что будем задействованы в других местах, а пока должны как можно успешнее учиться. В августе сорок первого, то есть через полтора месяца, академию эвакуировали в Йошкар-Олу, где до мая сорок третьего продолжалась учеба.

Теперь скажу, что стало с бобруйскими друзьями: Сема Геллер ушел на фронт, Яна тоже рвалась медсестрой, но ей, как и мне, сказали: подождите. В августе была еще в Ленинграде, приходила ко мне, к забору академии: нас не выпускали. Очень плакала: уже двадцать шестого июня немцы взяли Бобруйск. Мы ничего не знали о своих родных. Я даже не смог с ней проститься: нам не давали увольнительных, а телефонной связи не было. Это не теперешнее время, когда у каждого есть мобильник. Связь с Яной прервалась: она не знала моего нового адреса, я написал несколько раз на адрес общежития, но ответа не получил. С Семой связи тоже не было. Оставались лишь товарищи по академии. Однако предаваться унынию было не-

когда: учебная нагрузка была огромной.

В январе сорок третьего при защите дипломного проекта, над которым сидел ночи напролет, и он получился как надо, меня опять срезали, чтобы не дать, как нынче говорят, красный диплом. Антисемитизм процветал. И хотя после защиты я доказал, что был прав в разработке проекта, поезд ушел: мне дали обычный диплом и присвоили звание «лейтенант», тогда как отличникам присваивали «старшего».

Хоть и было обидно, но плюнул и написал еще раз рапорт об отправке на фронт. Мне сказали: начальству виднее, чем должен заниматься, и я потопал к месту назначения — в ОКБ. Это опытное конструкторское бюро. Их создавали при заводах и научно-исследовательских институтах. В них, в ОКБ, разрабатывалась новая военная техника. Я был назначен в Омск, а мой товарищ по группе — в Казань. Мать товарища жила в Омске, и он попросил поменяться. Нам пошли навстречу. Так оказался на казанском авиадвигательном заводе, где было два ОКБ: в одном работали над созданием мощных поршневых двигателей для самолетов «Пе-2» и «Як-7», второе, совсем секретное, подчинялось министерству авиационной промышленности и НКВД. Я попал во второе. Моя должность называлась «помощник военпреда по опытному строительству», штатная категория — капитан. Я был лейтенантом.

Началась интересная, но очень непростая работа, потому как в ОКБ, куда попал, в то время работали Андрей Николаевич Туполев, Сергей Павлович Королев, Валентин Петрович Глушко. Старшим по возрасту был Туполев.

Не знаю, говорят ли вам что-нибудь эти имена, но совсем молодые вообще вряд ли о них что-либо знают.

Андрей Николаевич Туполев прожил большую жизнь — восемьдесят четыре года. Сейчас я в его возрасте. Он — самый известный советский, российский авиаконструктор. Под его руководством создано более ста типов военных и гражданских самолетов, на которых поставлено около сотни мировых рекордов. Вознагражден был — но это потом, потом! — правительством сполна: и Ленинская, и Государственная премии, и трижды Герой Соцтруда.

Сергей Павлович Королев был почти на двадцать лет моложе. Когда с ним познакомился, Королеву было тридцать шесть, а умер он — шестидесяти не исполни-

лось. Королев — человек, без которого не полетел бы в космос Гагарин. Он — главный конструктор ракетно-космических систем, он — основатель практической космонавтики, академик, дважды Герой Соцтруда. Конечно, все это тоже было потом. Под его руководством были созданы первые баллистические и геофизические ракеты, первые космические корабли, на которых люди полетели в космос. Он тоже был не обижен госпремиями. Ну а самым близким мне был Валентин Петрович Глушко. Этот человек, с которым я работал рядом, создал советский ракетный двигатель, сконструировал первый в мире

электротермический РД, первые советские ЖРД. РД — ракетные двигатели, тяга которых основана на реакции (отдаче) вытекающих из них продуктов сгорания топлива, ЖРД — жидкостные ракетные двигатели.

Валентин Петрович потом тоже стал и академиком, и дважды Героем Соцтруда, и лауреатом Ленинской и Государственной премий, а летом сорок третьего, когда лейтенант Яков Мадорский, то есть я, предстал пред их очами, они были не маститыми и заслуженными людьми, а... зэками. Да, да: самыми обыкновенными зэками. Они были «врагами народа», и командовали ими энкавэдэшники.

Продолжение следует.

г. Москва